

Землетрясение

“Фрески” Александра Гутмана

Кадры из фильма

В московском Доме кино прошла премьера “Фресок” Александра Гутмана. Документального фильма, который рассказывает об Армении, созданного режиссером-россиянином и произведенного немецкой продюсерской компанией. В интернационализме затеи – никакого парадокса. Социально ответственные и не чуждые межнациональной солидарности западные продюсерские компании – совсем не редкость. Документалистика в последние годы исключительно интернациональна. Финны снимают про Иран, французы – про Индию, швейцарцы поддерживают южноафриканское неигровое кино. Все это часто отдает туристической воодушевленностью National Geographic Society или вот нашего “Вокруг света”, но диктуется благими намерениями: зрители телеканалов, граждане “глобальной деревни”, искренне интересуются делами соседа из-за околицы. Так что во “Фресках” есть парадокс, но он вовсе не в этом. Парадокс в том, что “Фрески” – фильм о родине. О самой этой категории, которую как-то все подтачивает и подтачивает “эпоха зрелищ” и “глобальной деревни” (спасибо ТВ и Интернету). То есть политика, конфликты интересов, доказанный наукой психологический факт существования национального характера – все это мало-помалу сделало саму категорию “родина” архаичной, для обычного человека, ощущающего свою принадлежность к началу XXI века, само это слово звучит неоправданно выпяченно. И это положение вещей пришлось бы принять, если бы нельзя было, например, во “Фресках” увидеть Грачика. Старика-могильщика, который, верно, и по-русски-то не понимает, потому что еще недавно приехал, как он говорит, из Персии, то есть из Ирана. Приехал из города Тегерана, куда бежала его семья, видимо, после геноцида и где он сам работал поваром у посла самого Папы Римского. Приехал, чтобы умереть на родине. Ему все твердят – что это за работа такая, могилы рыть. А он говорит – работа как работа, а главное – родина. Тем временем кладбище, где по преимуществу и разворачивается неспешное действие “Фресок”, – прибежище, скорее, жизни. Зритель гутмановского фильма так, кажется, и не увидит, как хоронят. Зато увидит, как мальчик-подросток подначивает и пререкается со старым могильщиком, как мастер “надгробники” деловито обсуждают

“два несчастья Армении – землетрясение и независимость”, как священник убеждает подростка креститься, как отпразднуют 75-й день рождения Грачика – за большой мраморной плитой, еще не ставшей надгробием, но уже послужившей столом. Как в маленькой шляпной мастерской на рынке двое портных, оторвавшись от своих швейных машинок, с редким старческим достоинством показывают свой “шапочный разбор” кладбищенскому резчику по камню, грачиковскому приятелю-иронисту. Как купят и вручат “персиянину” Грачику подарок – кепку-“азеродром”. И все это будет таким уютным, таким обжитым и, видимо, родным практически всем, не только армянам. Словом, кладбище во “Фресках” – место, для смерти вовсе не подходящее. То есть смерти там не место: Правда, вся кладбищенская съемка черная, белая, будто в старой хронике. В данном случае это хроника вечности – встречи смерти с жизнью, хроника спокойного, вечного присутствия несуществования во всем сущем. Просто Гутман снимает страну, пребывающую некоторым образом в “сумеречной зоне” – прошлое, и далекое, и недавнее, трагично, настоящее тяжело до неподъемности, будущее по большому счету неясно. Люди из Ленинканана, и ставшего в данном случае “съемочной площадкой”, совсем недавно (в масштабах исторического времени) побывали в пограничной ситуации, то есть буквально между жизнью и смертью. После землетрясения 1988-го (не говоря уж о геноциде 1915-го) смерть стала частью их обыденности, их дома дышат на ладан, почва в их городах – тут камера поднимается высоко-высоко и смотрит на почву Армении под прямым углом – совсем растрескалась. Это уже не асфальт,

а скопище асфальтовых островков. Здесь отвыкли от комфорта, здесь не зависят от глобальной Сети, здесь все хрупко, с виду недолговечно. Но недолговечность обманчива – сквозь нее проглядывают упорство, негибкость этой жизни. Этого бедного быта. Гутман и снимает быт обычных ленинканских людей: седых женщин, шьющих что-то на допотопных зингерах, и тех, что помоложе, режущих хлеб, и детей, плещущихся в фонтанах, и старушек, копошащихся у буржуек, и стариков в мирных беседах, и могильщиков, и парикмахера. И фотографа, делающего художественно-подарочные снимки – портреты, которые будут посланы родственникам в разные страны, где только живут армяне. И мужчин, продающих голубей для ритуальных жертвоприношений и для торжественного их отпуска в небо на свадьбах... Красота и скудость – два, кажется, узловых для “Фресок” понятия. Что вообще не означает скудости самой красоты, а означает лишь отсутствие изобилия. В Армении Гутмана по-настоящему много только неба, очень голубого, в нем – голубей, очень белых. И еще – стремления к чистоте во всех смыслах. Поэтому и закончится фильм мытьем мальчишки в тазу – перед крестинами. Будучи человеком, равно далеким от всех религий, даже я в этом эпизоде увидела вполне символическое омовение перед крещением. Как, впрочем, и в детях в фонтане, снятых с верхней, “божественной” какой-то точки. В отечественной киноиндустрии это удается теперь только документалистике – соблюсти хоть какую-то “божественную точку”. А Гутману это положено практически “по штату” – как человеку, принадлежащему к славной некогда петербургской документальной

школе. Она расцвела в тени (или под сенью – это дебатруется) пропагандистской машины большой советской кинодокументалистики. Но вся целиком была сосредоточена на том, что дало название классическому фильму Павла Когана “Взгляните на лицо”. Она всматривалась в лица, полагая их самым ценным. Фиксировала быт, чтобы заглянуть за его грань. Как школы всего этого давно нет. Остались последователи-подвижники. Их можно пересчитать по пальцам одной руки, и живут они не только в Питере: сам Гутман, Сергей Дворцевой, Виктор Косаковский, Юрий Шиллер. Но лица-то для “взгляда” остаются. Так что вполне закономерно, что Гутман продолжает смотреть. И смотрит очень пристально. Два его последних перед “Фресками” фильма – “Три дня и больше никогда” и “Путешествие в юность”. Первый – о старухе-матери, отправляющейся на свидание в тюрьму к осужденному на пожизненное заключение сыну (ясно, что эта встреча последняя). Второй – о немецких женщинах, пострадавших в мае 45-го от ярости победителя, советского солдата. Оба исследовали границу человеческой выносливости и вообще человечности. Оба сосредотачивались на человеческой идентичности. По Гутману, получается, что человек отличается от прочих существ не наличием мыслительного процесса, а способностью не подчиниться рефлексам, не стать пустоклозом от перенесенного. И остаться дома, на растрескавшейся, потрясенной земле. Потому что счастье не в перемещениях “по географии”. А, например, в родной для кого-то Армении.

Виктория БЕЛОПОЛЬСКАЯ